

Родина поставила на Айтматове Большую Крест

С тех пор как Чингиз Айтматов был назначен послом в Люксембург, прошли годы. А в этот раз, чтобы встретиться с ним, ваш корреспондент отправился в Брюссель, в посольство Киргизстана. И так, куда же пропал Айтматов?

— Понимаю, что вы имеете в виду. Спасибо за беспокойство. Куда я исчез? Что-то долго не видно меня на литературной авансцене? Это так и не так. И далеко не все зависит от меня лично. К примеру, после «Плахи», еще в последние дни светлой памяти СССР, я опубликовал повесть «Белое облако Чингисхана», которая вышла на многих иностранных языках, имела массу откликов. А у нас в этот период, когда повесть вышла в свет, начались в отечестве такие времена, что, конечно, не до того было, чтобы заметить ту или иную литературную новинку. Неудивительно. Да и объяснимо.

— Вы хотите сказать, что виновато время?

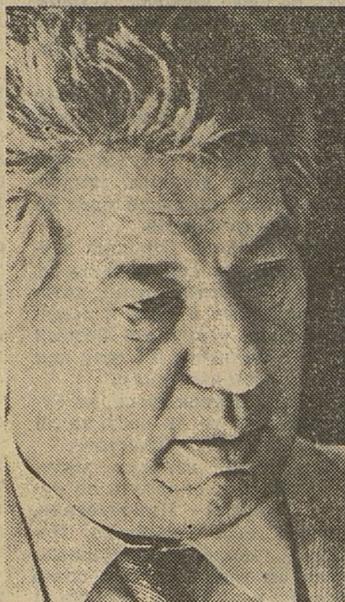
— Не то что виновато, оно изменилось. Изменился мир, изменились мы сами, сменились наши умонастроения. Произошел слом. Мы живем теперь в другом раю-аду, дышим другим воздухом, если иметь в виду нравственную атмосферу, культуру. Мы находимся в состоянии перманентного катаклизма. Куда выведет нас кривая постсоветского самосознания неограниченной свободы? Что ждет впереди? Каким будет наше завтра?

А если вернуться к частностям, вот вы спрашиваете, куда я пропал? Никуда я пока не пропал. Многие мои собраты, горячо ратовавшие за обновление строя, — известные в советское время писатели, литераторы, критики, которые не стеснялись с места и живут там же, где и жили, тоже начисто исчезли из поля зрения. Их нет. Нас раскидало по сторонам. Озвращаясь, оглядываемся. Другие приоритеты, новые громкие времена. Киллеры и гомосексуалисты стали героями нашего времени. А цинизм и ерничество — ныне верх блистательной словесности... Должно быть, и я среди тех, оставшихся за дверями, заколоченными гвоздями рыночной стихии.

В общественной жизни на смену партийному властолюбию прет демократическое властолюбие — разница невелика. Многообещающие реформы требуют прежде щедрого заклания жертв: опустошений, перераспределения имущества, средств и так да-

Но получил он его в Люксембурге.

А недавно наш корреспондент Максим Чикин встретился с ним уже в Брюсселе, где писатель трудится послом...

лее. А тем временем — что плохо лежит...

В этом новом Вавилоне обозначились свои кумиры, свои властители дум. Поднимут ли они искусство на новый качественный уровень, возвысится ли оно в своем совершенстве — жизнь покажет.

Во многом, естественно, сужу по себе. Сейчас в Москве завязалась полемика по поводу моего нового романа «Тавро Кассандры». Один молодой критик считает, что я ушел куда-то не туда, что от прежнего Айтматова ничего не осталось, что моим поприщем всегда было пространство гор и степей, это — моя стихия, а теперь я подался в какие-то неизвестные всемирные дали.

Действительно, в моем новом романе нет точного географического места действия, характерного для моего прежнего творчества. Действие происходит то в Америке, то в России, то в Китае, то в Европе. Не потому, что я хочу объять необъятное, а просто такъв сюжет романа.

Мой герой, известный русский ученый-генетик, находится даже вне планеты, в космосе, на орбитальной космической станции. Отказавшись возвращаться на Землю и оставшись Там, он не только пытается понять, что же происходит с человечеством, но и влиять из космоса доступными ему средствами на умонастроение людей — и словом, и так называемыми «зондаж-лучами», вызывающими у женщин реакцию «тавра Кассандры», что дает ученому по-

вод судить об эсхатологических перспективах человечества.

— Роман только что издан на русском языке. А как он принят на Западе?

— Кстати, здесь, на Западе, он почему-то воспринимается совсем по-другому. В частности, в Германии, Швейцарии, Австрии, где книга обретает большой интерес и много откликов, проходят встречи, и разговор на эту тему идет живой и заинтересованный: много вопросов, споров. То есть в Европе эта книга находится в активном читательском обороте — только что позвонил цюрихский издатель и сказал, что они увеличивают тираж.

Сейчас такой серьезной литературы (во всяком случае, мне так думается) и у нас в России трудно найти своего читателя, — как правило, это избранный круг людей. Здесь, в Европе, то же самое.

— Ваши следы затерялись после того, как вы занялись дипломатией. Почему?

— Получилось так, что в свое время перестройка нас захватила всех, как вихрь, и мы совершенно искренне отделились этому движению. Казалось, ну вот, многое из того, о чем мечталось, к чему многие из нас стремились, может стать реальностью. И надо действовать, помогать. Это произошло у меня как раз после «Плахи». То Верховный Совет, то различные комиссии, и везде надо поспевать.

Все это отвлекало, уводило меня куда-то. В ту пору я подумал, что мне надо как-то выходить из положения, где-то уединиться... Моя поездка

в Люксембург как раз была попыткой быть при службе и иметь возможность работать, писать.

В Люксембурге я проработал три года, до начала 94-го. Я не сожалею об этих годах, дипломатическая служба много мне дала — впечатлений, наблюдений. Думаю, что и люксембургская сторона великодушно оценила мою работу, наградив меня высшей люксембургской наградой — орденом Большой Крест за заслуги. Теперь я нахожусь в Брюсселе, представляю Киргизстан в Бельгии, при НАТО и Европейском союзе.

— То есть вы решили продолжить дипломатическую карьеру?

— Я пытаюсь по-прежнему совмещать ее с творчеством.

— А в Люксембурге такое удавалось?

— Да. В Люксембурге я и написал «Тавро Кассандры». И еще была книга, написанная до этого совместно с японским философом и писателем Дайсаку Икедой. Книга-диалог, собеседование, размышления, выпущенная на японском, немецком языках, по сей день в активном обороте.

— Как вы относитесь к Солженицыну?

— Я бы сказал, сложно и настороженно, потому что Солженицын той эпохи, когда он был гоним и когда проповедовал выстраданные истины, — это одно, а то, что он потом стал вялеть собой, — это совсем другое.

— Как вы относитесь к событиям в Чечне?

— XX век — век чеченской трагедии, когда целая нация была сброшена в ров истории подобно Освенциму и Бухенвальду, изгнана на полное уничтожение на другой край света в январе-феврале 1944 года. Казалось бы, выжили. Но вот продолжение истории спустя полвека: убиение населения военной силой, кажется, во имя Конституции. Трудно понять и еще труднее простить — и тех, кто вверг свой народ в эту страшную катастрофу, и тех, кто учинил в наказание кровавую государственную бойню... Так же трудно понять и лидеров Запада, уклоняющихся от того, чтобы посмотреть правде в глаза.

— Из чего складывается день посла Киргизии?

— Сегодня, например, полдня провел в Директорате Евросоюза по делам СНГ. Много проектов, все надо обсудить. Ведь мы, страны СНГ, находимся сейчас в та-

ком положении, что нам надо иметь перед глазами какую-то апробированную модель. Например, Европейского союза. Предстоит подписание очень важного для моей страны документа, глобального по своей значимости: соглашения о сотрудничестве и партнерстве между Евросоюзом и Киргизстаном.

— В Киргизии вы всегда были национальным героем. Не хотели бы туда вернуться, осесть, что-нибудь возглавить?

— Мне часто об этом говорят. Естественно, собираюсь возвращаться на родную почву. Пора такая приближается. А насчет возглавить... Что? Возглавить что-нибудь вроде Иссык-Кульского форума — это по мне. Потом есть, в конце концов, возраст. Кидаться в политическую бурю человеку, которому за 60, тоже надо с осторожностью. И к тому же не намерен в прямом смысле заниматься политической практикой: я могу высказывать свое мнение, советовать, встречаться с заинтересованными лицами, излагать идеи, суждения о насущных проблемах, но главное для меня лично — литература.

— Значит, творчество и службу удастся совмещать?

— Да, это была моя стратегия. Кажется, я не ошибся. То, что лежит сейчас у меня на столе, — это будущая повесть. Она в работе. Сейчас, кстати, у меня ностальгия, потребность вернуться в свои края, к своим типажам, к своим людям. Это не повторение того, что было, а новое видение жизни и новый избирательный подход. Дело будет происходить в моих краях. Интересно будет взглянуть, как сложились судьбы детей поколения моих героев: скажем, персонажей «Прощай, Гульсары!», «И долгие века...».

— А вы осмысляете, вспоминаете, перечитываете свои ранние книги? Как вы сейчас их оцениваете?

— Конечно, я думаю о прежних вещах. Но книги эти пока не переиздаются ни в Москве, ни в Бишкеке. В моей же жизни произошла странная метаморфоза: мой читатель переместился в Европу, для меня это — некое «переселение народов» на моем творческом пути. Где больше всего читаются и переиздаются мои книги? Германия, Франция, Голландия, Норвегия, а на востоке — Япония. Эти книги воспринимаются там так, как я хотел бы.